

Тареев М. М. По живому вопросу о живом слове: Нравственная светобоязнь священника [Вл.] Бабуры: [Странник, 1903. Январь] // Богословский вестник 1903. Т. 2. № 5. С. 178–187 (2-я пагин.).

ПО ЖИВОМУ ВОПРОСУ О ЖИВОМЪ СЛОВѢ. — НРАВСТВЕННАЯ СВѢТОБОЯЗНЬ СВЯЩЕННИКА БАБУРЫ.

I.

Въ прошломъ году я выступилъ въ печати сторонникомъ той мысли, что истинная проповѣдь можетъ быть только живымъ словомъ, что проповѣдь не есть искусство, что она есть простое учительное слово, что поэтому возможность живого проповѣдническаго слова менѣе всего слѣдуетъ ставить въ зависимость отъ особыхъ талантовъ, что оно доступно всякому призванному и духовно-опытному пастырю, что говореніе въ церкви по тетрадкамъ есть явленіе ненормальное (Стран. 1903 г. Янв.).

Въ качествѣ моего противника высказался священ. Бабура. „Импровизированіе, писалъ онъ, или говореніе съ церковной кафедры изустно, не по тетрадкѣ — дѣло весьма не легкое... Къ бесѣдѣ частной съ народомъ, хотя бы и съ отѣнкомъ назиданія, наставленія, способенъ не только всякій пастырь, даже малообразованный, но и каждый благонастроенный и благомыслящій человекъ простой; а къ живому проповѣдническому слову способенъ далеко не всякій пастырь, даже и образованный... Для не имѣющихъ къ сему таланта остается способъ проповѣдыванія по заранѣ составленнымъ ими проповѣдямъ. А такъ какъ не всегда пастырю достанетъ времени для составленія дѣльной проповѣди, то къ его услугамъ сборники печатныхъ поученій“ (ib. мартъ).

Свящ. Бабура былъ мною вразумленъ (ib. октябрь).

Какъ бы то ни было, подѣ воздействиемъ ли моихъ статей

или подѣ какимъ инымъ вліяніемъ, Бабура въ Пр. р. сл. (ноябрь) уже пишетъ такъ: „Рѣчь проповѣдника должна быть народною, т. е. проповѣдникъ долженъ говорить *всегда* (курсивъ нашъ) языкомъ живымъ, рѣчью разговорною, простосердечною. Проповѣдь не должна быть выраженіемъ искусства упражняться въ словѣ, нѣтъ—проповѣдь должна быть дѣломъ жизни... „Мы не за книжныя проповѣди стоимъ, которыя написаны риторомъ сухо, тяжело и темно. Нужны бесѣды““.

Читая эти строки Бабуры, я вполнѣ порадовался за него и увидѣлъ въ нихъ рѣшительный конецъ нашего спора ¹⁾.

Но къ моему удивленію въ Странн. 1903 г. янв. Бабура вторично выступаетъ противъ меня... Если споръ принципиально оконченъ, то о чемъ же еще толковать?.. А для Бабуры осталась еще возможность бросить въ меня нѣсколько комковъ грязи. Дѣлаетъ онъ это при посредствѣ самыхъ недобросовѣстныхъ подтасовокъ.

Это обстоятельство вынуждаетъ меня энергично изобличить своего литературнаго противника и чрезъ то отнять у него охоту къ подобнымъ пріемамъ.

Бабура выставляетъ меня безсердечнымъ хулителемъ и строгимъ судьей духовнаго образованія и церкви, а себя видитъ въ роли хулимаго и гонимаго. Впадая въ тонъ плача Иереміи, онъ такъ заканчиваетъ свою статью: „Мы не отказываемся отъ добрыхъ совѣтовъ и все умѣстное принимаемъ съ благодарностью. А незаслуженныхъ обидъ довольно наслушались и изъ чужого лагеря... Хотите въ чемъ помочь бѣдѣ, снизойдите до положенія дѣла, войдите въ положеніе пастыря и взвѣсьте все безпристрастно. Побольше сердечности, участливости, любви; а безосновательныя укоризны—въ одно ухо войдутъ, а въ другое выйдутъ, хотя, впрочемъ, оставлять осадокъ горечи въ сердцѣ. Мы держимся правила: „хулими—утѣшаемся; гоними—терпимъ““.

Бабура хочетъ подѣйствовать на чувство читателя. Извѣстное дѣло, симпатія публики всегда на сторонѣ гонимыхъ...

Но позвольте и хулителю защитить себя. При этомъ обращаюсь не къ чувству читателей, а къ разуму и логикѣ.

¹⁾ Развѣ только Бабура, пишущій въ Пр. р. сл., не тотъ Бабура, который пишетъ въ Странникѣ?..

Прежде всего отмѣтимъ, какъ нашъ критикъ противорѣчитъ самъ себѣ. По вопросу о семинаріяхъ онъ пишетъ:

на стр. 59:

„Получающіе образованіе въ средней духовной школѣ являются не только правоспособными и удовлетворяютъ насущнымъ потребностямъ своего служенія и званія (въ томъ случаѣ, если они становятся пастырями), но и могущими по значительной широтѣ получаемого ими богословскаго развитія съ полнымъ правомъ входить въ суть дѣла Христова, которому они обучаются служить.“

на стр. 60:

Вѣдь школа не фабрика, а человѣкъ не фабричное издѣліе, которое можетъ быть сфабриковано по извѣстному образцу и уже въ совершенно готовой формѣ. Духовная школа можетъ дать будущему пастырю запасъ готовыхъ, нужныхъ ему свѣдѣній, она можетъ указать ему рядъ его обязанностей, выяснитъ высоту и значеніе его пастырской дѣятельности, но она никогда не можетъ *сдѣлать* изъ него хорошаго пастыря церкви; это дѣло самого пастыря и свыше силъ и задачи школы.

Къ чему же эти разсужденія о духовной школѣ? По словамъ Бабуры я „упрекалъ духовную школу въ томъ, что у нея нѣтъ нормы въ системѣ подготовленія и избранія нашихъ пастырей“ (стр. 60). Такой дикой сугубой нелѣпости я никогда и нигдѣ не говорилъ и не писалъ. Во-первыхъ я не говорилъ, что школа наша духовная *избираетъ* пастырей. Во-вторыхъ, я не говорилъ, что духовная школа не имѣетъ нормы въ системѣ подготовленія пастырей. Я писалъ такъ: „... въ [томъ бѣда, что у насъ единственнымъ ручательствомъ за подготовленность къ пастырской дѣятельности служить семинарскій аттестатъ“ (Стран. 1902 г. Окт. 543). Сравните эти слова съ тѣмъ, что приведено выше во второмъ столбцѣ изъ статьи Бабуры... Ужели требуются комментаріи?! Приведенная выдержка у меня продолжается: „(въ томъ бѣда)... что громадное большинство нашихъ семинаристовъ идетъ во священники только ради куска хлѣба, что всѣ наши пастыри суть пришельцы въ своихъ приходахъ, живущіе исключительно на счетъ пастырскихъ доходовъ, что они не подготовлены къ живой проповѣди ни схоластическимъ семинарскимъ упражненіемъ въ письмен-

номъ составленіи проповѣдей, ни случайностью (т. е. безъ призванія) своего избранія во священники, ни своею жизнью“. Это я называю „ненормальностью въ системѣ подготовленія и избранія нашихъ пастырей“ (ib. стр. 543. 544). Я называю ненормальною существующую систему приготовленія и избранія пастырей т. е. то, что наши пастыри исключительно готовятся школой. О характерѣ самой школы я не говорю почти ничего,—я касаюсь только преподаванія гомилетики, и то не всего преподаванія, а только „схоластическаго семинарскаго упражненія въ письменномъ составленіи проповѣдей“. Напротивъ, мой критикъ, будучи согласенъ (во-второмъ столбцѣ) со мною въ томъ, что одна школа не дѣлаетъ (т. е. не готовитъ) пастыря, *ничего* не возражаетъ мнѣ по вопросу о семинарскомъ упражненіи въ письменномъ составленіи проповѣдей, но за то пространно защищаетъ вообще семинарское образованіе.— „Нынѣшняя духовная школа—со стороны принципа и цѣли образованія, даваемого ею питомцамъ своимъ, при наличной постановкѣ учебнаго дѣла, съ обширнымъ составомъ учебнаго курса и большими программами по каждой наукѣ съ несомнѣннымъ успѣхомъ способна отвѣчать просвѣтительнымъ и образовательнымъ запросамъ нашего времени“. Говоритъ Бабура и о томъ, что наши „семинаріи готовятъ дѣятелей не только на спеціальному поприщѣ служенія дѣлу пастырскому, но и въ иныхъ областяхъ, что онѣ не угасили въ себѣ идеально-художественныхъ стремленій, что заслуги семинаристовъ на всѣхъ поприщахъ велики“.... Къ чему объ этомъ рѣчь? Если бы наши семинаріи стояли на высотѣ академій и университетовъ, если бы изъ нихъ каждый годъ выходило по пяти министровъ и по два десятка Пушкиныхъ, то все же осталось бы несомнѣннымъ, что одна школа не можетъ приготовить пастыря и что школьное упражненіе въ письменномъ составленіи проповѣдей схоластично по существу. Къ чему же это отвиливаніе отъ прямого предмета спора, къ чему эти разсужденія „о нападкахъ по адресу семинарскаго богословскаго науки“?... Мало того. Бабура даже такъ выражается: „Довольно забрасывать клеветами тѣхъ, которые по характеру приобретаемаго образованія наиболѣе приближаются къ идеалу... послѣ этого какъ же срывается съ устъ слово укора противъ тѣхъ, которые не

даромъ ѣдятъ хлѣбъ свой“?.. Что на это отвѣтить? Отвѣчу такъ: *о характеръ семинарскаго образованія у меня не было рѣчи и потому клеветникомъ оказывается тотъ, кто первый заговорилъ о клеветѣ.*

II.

Въ выраженіяхъ необычайно рѣзкихъ Бабура укоряетъ меня какъ безсердечнаго хульника нашихъ пастырей. „За-чѣмъ, пишетъ онъ, дѣлать такой пессимистическій выводъ: „и всѣ наши пастыри суть пришельцы въ своихъ приходахъ““. Развѣ такъ? Неужели авторъ (т. е. я) увѣренъ и имѣетъ нравственное основаніе, хотя и косвенно, утверждать, что между духовенствомъ нѣтъ добрыхъ и честныхъ тружениковъ, нѣтъ людей, которые бы сознавали высоту своего призванія и служили бы своему дѣлу по совѣсти?! (стр. 62).

Видите, онъ даже обращается къ моей совѣсти, онъ закликаетъ меня. И въ самомъ дѣлѣ, ужели я написалъ столь страшныя слова, что между нашимъ духовенствомъ нѣтъ добрыхъ и честныхъ тружениковъ? нѣтъ ни одного?..

Само собою понятно, что такихъ словъ я не писалъ и мнѣ ихъ Бабура приписываетъ несправедливо.

Я писалъ буквально такъ: „... что громадное большинство нашихъ семинаристовъ идетъ во священники только ради куска хлѣба, что всѣ наши пастыри суть пришельцы въ своихъ приходахъ, живущіе исключительно на счетъ пастырскихъ доходовъ“...

Почему это на двухъ рядомъ стоящихъ строкахъ я говорю—то громадное большинство, то всѣ?..

Что громадное большинство семинаристовъ принимаетъ священство только ради куска хлѣба—этимъ набрасывается сильная тѣнь на нравственные мотивы избранія священства, а что всѣ наши пастыри суть пришельцы въ своихъ приходахъ, живущіе исключительно на счетъ пастырскихъ доходовъ—это относится только къ способу избранія и содержанія нашего духовенства. И я теперь рѣшительно повторяю, что всѣ наши пастыри суть пришельцы въ своихъ приходахъ, живущіе исключительно на счетъ своихъ пастырскихъ доходовъ,—и вполне увѣренъ, что противъ этого нельзя спорить. И моему противнику, вмѣсто того, чтобы обращаться

къ моему нравственному сознанию, было бы гораздо цѣлесообразнѣе привести хоть одинъ примѣръ избранія во священники какого нибудь прихода члена этого же прихода, такъ чтобы избранный продолжалъ содержаться своимъ ремесломъ, или занятіемъ. Но такого примѣра привести невозможно, потому что у насъ всѣ священники присылаются въ приходъ и живутъ исключительно пастырскими доходами. Я вполне согласенъ, что „не виноватъ же семинаристъ, идущій во священники, что онъ, какъ и другіе, нуждается въ матеріальномъ содержаніи для себя и семьи, хочеть ѣсть, и что существующій способъ добыванія себѣ пропитанія не вполне удобенъ“. Но вѣдь неизбѣжность или нужда не дѣлаетъ неудобства удобствомъ. Семинаристъ не виноватъ, но что существующій способъ избранія священниковъ и ихъ содержанія не благопріятствуетъ развитію живой проповѣди, это несомнѣнно. Доказательство намъ представляетъ самъ нашъ противникъ, который пишетъ (на стр. 64): „...не дѣлаетъ ли тебя твое безправіе противъ твоей собственной воли не хозяиномъ, не отцомъ прихода, не господиномъ въ своей сферѣ дѣятельности, но чѣмъ то безличнымъ, придавленнымъ, со связанными руками и ногами, съ замазаннымъ ртомъ. И сколько подъ часъ труда, огорченій, внутренней и даже внѣшней борьбы придется перенести, пока въ сердце и сознаніе окружающихъ войдешь какъ пастырь душъ, какъ желанный гость, какъ уважаемое лицо, а не какъ наемникъ и слуга, обязанный только за грошъ или за два сдѣлать по заказу то или другое“. Совершенно вѣрно.

Итакъ вотъ къ чему относится мое „всѣ пастыри“ — къ способу ихъ избранія и содержанія. А къ нравственнымъ мотивамъ поступленія во священники у меня относится выраженіе: „громадное большинство нашихъ семинаристовъ идетъ во священники только ради куска хлѣба“. Посему не ясно ли, что мой противникъ свой вопросъ: („неужели между духовенствомъ нѣтъ добрыхъ и честныхъ труженниковъ“?) долженъ поставить не противъ моего „всѣ пастыри“, а противъ моего: „громадное большинство“ и въ этомъ случаѣ его вопросъ теряетъ всякій смыслъ. Утверждая, что у насъ всѣ священники присылаются на приходъ и что *громадное большинство* семинаристовъ идетъ на приходъ только ради куска хлѣба, я не отрицаю, что между духовенствомъ есть

честные и добрые труженики. У меня количественныя опредѣленія „всѣ“ и „громадное большинство“—стоятъ каждое на своемъ мѣстѣ и перетасовка ихъ даетъ искаженіе въ томъ и другомъ случаѣ. Такую перетасовку и дѣлаетъ мой противникъ.

III.

Это еще не все и даже не самое главное.

Бабура выставяетъ меня хулителемъ нашей церкви, идущимъ противъ своего сознанія. „Не строгъ ли очень нашъ судья? сказано по моему адресу. — Впрочемъ онъ (т. е. я) оговаривается, предупреждая: кто поставилъ насъ обличать недостатки нашей церковной жизни“? (стр. 65).

Въ этомъ случаѣ Бабура замалчиваетъ одно обстоятельство громаднѣйшей важности, — и только это недобросовѣстное замалчиваніе даетъ ему возможность говорить о моихъ хуленіяхъ и гоненіяхъ.

Противъ моей статьи „Проповѣдь какъ живое слово“ возразили свящ. Бабура и свящ. Зеленева. Отвѣтилъ я имъ вмѣстѣ обоимъ. Въ своемъ отвѣтѣ я между прочимъ писалъ слѣдующее (Стран. 1902. Окт. 544): „Вотъ что мы написали въ отвѣтъ своему рецензенту (т. е. Бабурѣ), но отвѣта въ редакцію не послали. Мы разсуждали въ этомъ случаѣ такъ: кто поставилъ насъ обличать недостатки нашей церковной жизни, если сами пастыри признаютъ ее нормальной. Но вотъ прошелъ мѣсяцъ; вышла апрѣльская книжка Странника и здѣсь мы видимъ другую рецензію на нашу статью, свящ. В. Зеленева. И странное дѣло,—этотъ рецензентъ противъ нашей статьи ставитъ такое возраженіе: „Многіе ли пастыри пасутъ по призванію? Не чаще ли, сообразуясь вѣку сему, пастыри, поступая на приходъ, имѣютъ въ виду вѣрный кусокъ хлѣба, любви къ паствѣ имѣютъ мало, а тяготѣютъ болѣе къ матеріальнымъ благамъ и удобствамъ жизни? Глубокаго знанія ученія вѣры, достигаемаго самообразованіемъ, тоже весьма часто не замѣчается“.

Теперь Бабура, выставяя меня хулителемъ и судьей церковной жизни, умалчиваетъ о содержаніи статьи свящ. Зеленева, умалчиваетъ о томъ, что я въ сужденіяхъ о церковной жизни основываюсь на признаніи священника Зеленева, что, по яснымъ моимъ словамъ, я не выступилъ бы

съ своимъ отвѣтомъ Бабуръ, если бы не было этого признака священника Зеленева. Все это мой противникъ замалчиваетъ: какъ, читатель, назвать этотъ приемъ?!

Мало того. Онъ вырываетъ изъ контекста мои слова: „кто поставилъ насъ обличать недостатки нашей церковной жизни“, умалчивая о слѣдующемъ условіи: „если“ и т. д.

Представьте себѣ, читатель, Вы написали гдѣнибудь: „если нѣтъ воскресенія мертвыхъ, то нѣтъ Бога“. Вашъ противникъ, умалчивая о „если“, возражаетъ вамъ: „вы пишете: нѣтъ Бога. Вы атеистъ“.

Но вѣдь это наглые кунштюки!

IV.

Въ полемическомъ азартѣ мой противникъ совершенно забываетъ о томъ, что я писалъ, и совершенно не изображаетъ, что служить противъ меня возраженіемъ и что меня подтверждаетъ.

Я писалъ Стран. 1902. Янв. стр. 95:

Но называя живое слово единственно возможнымъ для проповѣдника словомъ, свидѣтельствомъ истиннаго характера проповѣди, не говоримъ ли мы слишкомъ „жесткое“ слово для современныхъ проповѣдниковъ, среди которыхъ столь рѣдки импровизаторы? Нѣтъ... Нельзя ограничивать область проповѣдничества тѣми поученіями, которыя у насъ произносятся въ храмахъ въ большіе праздники по тетрадкама... Надѣль проповѣдничество равнояется всей области пастырскаго душепопеченія и т. д.

Бабура мнѣ возражаетъ въ Стран. 1903 г. Янв. стр. 67:

Уважаю проповѣдь живую, высоко цѣня этотъ наиболѣе цѣлесообразный видъ церковнаго учительства, скажемъ только: неужели недостойны своего званія и призванія всѣ тѣ изъ насъ, которымъ не дано учить свою паству и вести ее ко спасенію путемъ живой проповѣди?! Неужели всякій добрый пастырь, слово истинны правящій право, поучающій пасомыхъ примѣромъ собственной богоугодной жизни, любящій, кроткій, участливый къ духовнымъ и житейскимъ нуждамъ пасомыхъ, далекъ отъ пастырскаго идеала?!...

Что это за кошмаръ? что за вавилонское смѣшеніе языковъ?

Говоришь: „вправо“. Возражаютъ съ пѣной у рта: „нѣтъ, не влѣво, а вправо“!...

V.

Бабура разсуждаетъ со мною о проповѣди какъ живомъ словѣ. При чемъ тутъ, повидимому, моя Философія евангельской исторіи? Но онъ очень остроумно проѣхался и на счетъ этого моего сочиненія: „никакая философія отвлеченныхъ умозрѣній, даже философія евангельской исторіи (какъ игриво!) не въ состояніи создать изъ человѣка пастыря“, при этомъ дѣлается ехидное уничтожающее подстрочное примѣчаніе: „скажемъ чужими словами: „Евангеліе ужъ ни въ какомъ случаѣ не исторія“ Пр. р. сл. № 17, стр. 500 (стр. 1903 г. Янв. стр. 60).

На стр. 500 № 17 Пр. р. сл. ничего не говорится о моей философіи евангельской исторіи...

Въ § 1 моего названнаго сочиненія можно читать слѣдующее: „евангелія, столь важныя въ качествѣ источника для исторіи жизни Иисуса Христа, не представляютъ собою ни исторіи, въ строго научномъ смыслѣ этого слова, ни матеріала для нея: они не могутъ быть разсматриваемы ни въ качествѣ научной исторіи, ни въ смыслѣ лѣтописныхъ повѣствованій. Евангелія имѣютъ идейно - практическую цѣль“...

Какой же смыслъ имѣетъ подстрочное возраженіе Бабуры?

Говоришь: „вправо“. Возражаютъ съ пѣною у рта: „нѣтъ, не влѣво, а вправо“.

„Придите, и сошедше смѣсимъ тамо языкъ ихъ, да не услышать кійждо гласа ближняго своего“.

Въ заключеніе скажу: почему мой противникъ такъ боится принимать мои слова въ ихъ прямомъ и буквальномъ смыслѣ, почему онъ не смѣетъ взглянуть въ глаза дѣйствительности, почему у него такая свѣтобоязнь? Ужели онъ находитъ возможнымъ защищать свое дѣло только съ помощью недобросовѣстныхъ подтасовокъ, искаженій и замалчиваній?

Обращаю къ нему его собственный совѣтъ *mutatis mutandis*: „побольше“ литературной честности.

VI.

По вопросу о проповѣди, какъ живомъ словѣ, мнѣ пришлось войти въ сношеніе не съ однимъ Бабурой. Нѣкоторые пастыри отозвались на мое слово сочувственно и всту-

пили со мною въ перениску. Особенно горячо интересуется этимъ вопросомъ протоіерей І. Панормовъ, который дѣлится нынѣ со мною своими многолѣтними пастырскими наблюденіями, предоставляя мнѣ право воспользоваться его письмами и тетрадями для печати. Его письма наполнены блестящими замѣчаніями и цѣнными наблюденіями. „У насъ проповѣдями считаются теперь *литературные* образцы церковнаго слова.... Литературная красота слова искусственнаго (т. е. записаннаго) это своего рода обольщеніе для современныхъ проповѣдниковъ.... Тетрадь стала средостѣніемъ между проповѣдникомъ и массой“. Почтенный протоіерей, мучающійся надъ вопросомъ о проповѣди, какъ живомъ словѣ, уже не первый десятокъ лѣтъ своей пастырской жизни и дѣятельности, распространеніе штунды объясняетъ главнымъ образомъ отсутствіемъ у насъ живого проповѣдническаго слова. „Почивающіе на тетрадяхъ и сборникахъ не имѣютъ побужденія умножать свое духовное богатство: эти проповѣдники св. Писанія не читаютъ, жизни не изучаютъ, у нихъ нѣтъ мудрости пастырской: нѣтъ въ нихъ, ибо она вся осталась въ книгахъ.... Баптисты прямо въ лицо бросаютъ обвиненіе нашему духовенству въ томъ, что оно 1) не знаетъ св. Писанія, 2) не убѣждено въ правотѣ своей вѣры: зачѣмъ читать по тетрадкамъ о томъ, въ правотѣ чего ты убѣжденъ? говорятъ они“.

Въ послѣднемъ своемъ письмѣ почтенный о. протоіерей пишетъ мнѣ: „недавно одинъ губернский статистъ, объѣхавшій нашъ край, сообщилъ мнѣ отзывъ о проповѣдникахъ-чтецахъ готовыхъ книгъ: „„хлобыщеть““ батюшка“. Да, слово найдено: проповѣдь по книгѣ не есть проповѣдь, а „хлобыстаніе“

М. Таръевъ.
